

ЗАМЕТКИ

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-1-257-260

© Д. М. Буланин

ПЕРЕВОДЧИКИ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА: ШКОЛА ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ШКОЛА*

Не стоит думать, что исторические исследования о служащих Посольского приказа, которым ныне предлагается дать оценку, относятся к предмету, далекому от истории литературы. Даже общие соображения побуждают отказаться от скоропалительного заключения. Посольский приказ, организованный в середине, но начавший работать в полную силу не ранее конца XVI века, — учреждение, отвечавшее за внешнюю политику России. Тогда, как и впоследствии, государство стремилось укомплектовать дипломатический корпус представителями культурной элиты, ибо они являлись живой витриной этого государства для его друзей и врагов. В XVII веке Посольский приказ возглавляли широко образованные люди, как А. С. Матвеев и В. В. Голицын, они стоят в ряду литературных деятелей Древней Руси.¹ Далее, в контексте московской культуры XVII века, где профессиональных литераторов еще не существовало, но где занятия словесностью уже перестали считаться прерогативой духовенства, приказные служащие, поголовно грамотные, были важным контингентом, откуда рекрутировались труженики пера. Среди этих тружеников прикрепленные к дипломатическому ведомству составляли многочисленную группу. Так что филологам не стоит пренебрегать ведущимися последние лет двадцать архивными разработками, призванными реконструировать личный состав Посольского приказа.² Тем более что в качестве промежуточного итога этих разработок вышел справочник, который непо-

средственно касается домена филологов. Он посвящен переводчикам Посольского приказа.

В истории русской литературы XVII век, особенно его вторая половина, отмечен настоящим переводческим бумом. Наибольшую активность развили книжники в столице, там действовали литературные центры со своей специализацией — Чудов монастырь, Печатный двор и, естественно, Посольский приказ.³ В последнем для работы с носителями иностранных языков и с иноязычными текстами были предусмотрены штатные должности в виде толмачей, ориентированных на устную коммуникацию, и переводчиков, трудившихся над рукописными и печатными источниками. Персональному составу корпуса переводчиков и посвящена книга со скромным подзаголовком «Материалы к словарю».⁴ Ее надлежит читать вместе с двумя сборниками, дополняющими лаконичные справки.⁵ «Материалы...» — никоим образом не дублируют словарь писателей. Это — просопографический справочник, задача его — представить curriculum vitae переводческих кадров, которыми был укомплектован приказ. Именно просопография является тем, что объединяет все разыскания по истории Посольского приказа, о которых идет речь. Явный крен в эту сторону заметен и в упомянутых сборниках, хотя тематика их все-таки шире, там обсуждаются источники отдельных переводов, их симбиоз с оригинальными текстами, язык переводов и др. Есть и статьи о переводчиках, не связанных с приказом.

О заслугах деятелей Посольского приказа в обогащении литературного репертуара Древней Руси руководства по всему кругу наук и ремесел, писаниями «по случаю», произведениями сюжетного повествования было известно и раньше. Имена главных деятелей учтены

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект РНФ № 20-18-00171, <https://rscf.ru/project/20-18-00171/>.

¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 207–212; 1993. Ч. 2. С. 341–343.

² См. особенно: *Лисейцев Д. В.* Посольский приказ в эпоху Смуты: В 2 ч. М., 2003. Ч. 1–2; *Куненков Б. А.* Посольский приказ в 1613–1645 гг.: Структура, служащие, делопроизводство. Дис. ... канд. истор. наук. Брянск, 2007; *Беляков А. В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017; *Оборнева З. Е.* Переводчики с греческого языка Посольского приказа (1613–1645 гг.). М., 2020.

³ История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век: В 2 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 62–72.

⁴ *Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М.* Переводчики Посольского приказа в XVII в.: Материалы к словарю / Науч. ред. А. А. Романова. М., 2021.

⁵ Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия. М., 2019. <Вып. 1>; М., 2021. Вып. 2.

в «Словаре книжников...». Впрочем, новоизданный справочник добавил к ним несколько новых, как то: Иван Максимов, Ефим Мейснер (отделенный от своего отца Тавиаса), а если считать литераторами тех, кто переводил надписи на вражеских пушках и знаменах, росписи лекарств для людей королевича Вальдемара, то еще Дмитрий Асанов с Хусеем Месетевым, Борис Борисов.⁶ Основным объектом занятий оставались для приказных переводчиков в любом случае памятники деловой письменности, главная их обязанность заключалась в том, чтобы обеспечить оборот дипломатических документов. Поэтому подчеркнем, что для изучения словесности имеют значение биографические сведения обо всех без исключения лицах, числившихся по штату в переводчиках, независимо от того, оставили ли они след в недипломатических отделах письменности. Так, без переводчиков с их знаниями и навыками не могли обойтись в работах по изготовлению парадных книг для царского двора, когда задание получал Посольский приказ в полном его составе и когда он прилагал все усилия, чтобы подтвердить репутацию работавших в его стенах знатоков книги, как и репутацию знаменитых каллиграфов и золотописцев приказа.⁷ Важнее другая сторона дела. Сами дипломатические документы, составлявшие рутинную работу приказных переводчиков, включали в себя, а чаще шли в паре с текстами, не укладывавшимися в протоколы официальных рапортов и в жесткий регламент государственной корреспонденции. Достаточно сказать, что силами этих самых переводчиков готовились «Вести-Куранты», выпуски рукописной газеты для царя и думы, на основе которой формировалась актуальная политическая повестка. В составе посольских донесений, внутри «Вестей», в приложениях к ним, а также формально независимо от них, читаются многочисленные окказиональные писания, содержащие выдержки из европейской печати, политические памфлеты и листовки, слухи о новоявленных святых и чудесах, известия о природных феноменах, предсказания о грядущих бедствиях и т. д.⁸ Переведенные, а отчасти сочиненные неизвестными по имени переводчиками приказа, иные из подобных писаний, в прозе и в стихах, не ли-

шены собственных литературных достоинств.⁹ Эти памятники паралитературы (по функции, а не по эстетическим качествам), внедрившиеся в бюрократическую продукцию, служат напоминанием о том, что письменность прикладного назначения обособилась в Москве относительно недавно. На протяжении веков чтение и письмо обслуживали в Древней Руси религиозную сферу, делопроизводство велось в устной форме. Как видим, в XVII веке мысль о казовой изоляции письмоводителей не успела еще прочно укорениться, по мере надобности они переквалифицировались в литераторов.

Нет сомнений, что для истории литературы ценны любые новые сведения, относящиеся к любым переводчикам. Однако же, как у других исследований о работниках Посольского приказа из обсуждаемой серии, так и у справочника о приказных переводчиках есть достоинство, которое перевешивает по своей значимости все остальное — это системность в обработке материала. Поскольку авторы книги стремились представить контингент переводчиков с исчерпывающей полнотой, относящиеся к предмету архивные фонды требовали не выборочного (как то делается при поисках, касающихся одного героя), а сплошного просмотра. При таком подходе ценность приобретают не только наличные, но и отсутствующие факты. Существенно и то, что данные, которые составителям удалось извлечь из архивов, выстроены для каждого субъекта по строгому формуляру. Обратившийся к книге не только найдет все, что известно об отдельно взятом герое, он увидит и родовые признаки, универсальные и окказиональные, присущие служившим по должности переводчика. Таким образом, в совокупности с частными исследованиями биографический справочник, хотя заслуги его героев в области литературы затрагиваются составителями в минимальной степени, позволяет на новом уровне обсуждать некоторые вопросы, которые уже прямо относятся к духовной жизни русского общества в переходную эпоху. В первую очередь — к литературе.

Интересно в данной связи вернуться к такой важной проблеме, как профессиональная подготовка переводчиков, служивших по дипломатическому ведомству. Им предстояло манипулировать со словом, точнее, со словами на разных языках, что предполагало свободную ориентацию в этих языках. Более того — как сама по себе дипломатика, так и отдельные переводы научных и литературных текстов, заказы на которые спускались исполнителям, требовали познаний в изучаемых на школьной скамье словесных науках — грамматике и риторике. Между тем древнерусская школа в XVII веке находилась еще в процессе становления. Заводились первые школы грамотности, во многом опиравшиеся на западнорусскую практику. Школа повышенного типа —

⁶ В приложениях, напротив, встречаются необъяснимые пропуски. Так, среди переводчиков XV–XVI веков (Приложение 2) не учтены Вениамин, Траханиоты, Феодор, Благовещенский протопоп, и Феодор, переводчик еврейских молитв; среди переводчиков XVII века, не служивших в Посольском приказе (Приложение 4), — Арсений Суханов, Мардарий Хоныков, Парфений Небоза, Симеон Полоцкий.

⁷ Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179–244.

⁸ См. об этом: Шамин С. М. Иностранные «памфлеты» и «курьезы» в России XVI — начала XVIII столетия. М., 2020.

⁹ Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII — первая треть XVIII века. Л., 1989. С. 32–34.

Московская академия — оформилась только к концу столетия. При таких исходных данных не приходится удивляться, что большинство переводчиков Посольского приказа составляли иностранцы, иногда — их потомки в ближайших поколениях. Статьи в сборниках «Переводчики и переводы» и материалы биографического справочника демонстрируют, что единственное требование, предъявлявшееся переводчику при приеме на службу, — это владение тем иностранным языком, который за ним предполагалось закрепить. Для проверки компетенции претендующего на должность создавались представительные экзаменационные комиссии. Переводчикам с восточных языков, деятельность которых удовлетворяла только запросы дипломатии и не предполагала никаких литературных излишеств, знания соответствующего языка могло быть иногда достаточно. Труднее приходилось тем, кто специализировался на текстах, связанных с Западной Европой, когда требовалось то представить общую сводку из нескольких известий, то воспроизвести сложную литературную форму, а иногда изготвить целую книгу. Они могли или полагаться на свои познания, полученные за рубежом, или заниматься самообразованием. Последнее являлось делом непростым, ибо учебники по словесным наукам были в дефиците, как и учебные классы. При отсутствии на Руси школьной традиции препоны возникали не только в освоении общеобразовательных предметов. Еще труднее было выучить иностранный язык. Насколько можно судить по справочнику о переводчиках, если кто и обучал языку, то делал это по старинке — в частном порядке (Девлет Меликов). Обычно документы молчат о таких эпизодах, и это значимое молчание. Репетиторы не стремились документировать свои занятия: частная практика иностранцев была для них чревата неприятностями, она категорически осуждалась из охранительных соображений церковными авторитетами («Привилей» на Академию, Евфимий Чудовский).¹⁰ Закономерно, что по негласной договоренности переводы иностранных книг, независимо от языка, на котором они были написаны, обычно поручались в Посольском приказе служащим со знанием латинского языка. По-видимому, считалось, что такое знание гарантирует некий минимум гуманитарной подготовки.¹¹

Если брать русскую письменность XVII века в целом, термин «литературная школа», пожалуй, грешит некоторой модернизацией. В нашем конкретном случае стоит, быть может, отнестись к терминологии с меньшим педантиз-

мом: в науке уже стало традицией рассматривать труды переводчиков Посольского приказа в качестве самостоятельного и перспективного направления в литературном развитии России, в отличие от сочинений и переводов ученых монахов, доступных немногим избранным. Поскольку книжники приказа в основном работали по внутреннему или стороннему заказу и не обязаны были соотносить выполнение этого заказа с конфессиональными побуждениями или ограничениями, такая оппозиция в чем-то оправдана. С другой стороны, не следует понимать полярность одного и другого слишком прямолинейно. Расхождение в большей мере касается тематики переводов, в меньшей — словесного мастерства и удобопонятности продуктов творчества. Из того, что в приказе кое в чем дистанцировались от клерикальной оппозиции и строгих блюстителей парадигм церковнославянского языка, какие законсервировались в нем накануне петровских реформ, нельзя заключать о простоте и доступности писаний, вышедших из-под пера приказных переводчиков. Переведенные ими ученые труды иногда труднее понять, чем написанные «необыкновенною славянщиною» тексты Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского. Хорошо известно распоряжение Петра по поводу выполненного Федором Поликарповым перевода «Географии генеральной» Бернгарда Варения, перевода, которым царь не был удовлетворен и который он потребовал переделать. Ссылка на это распоряжение (хотя существуют и другие, сходные по смыслу), где переводы Посольского приказа берутся за образец, стала в историографии общим местом: «Высоких слов славянских класть не надобя, но Посольского приказу употреби слова». Наличие исправленного перевода, подготовленного во исполнение царской воли, показывает, что изменения коснулись лишь морфологии и синтаксиса, лексика не участвовала в противопоставлении «простого» языка «славянскому», как понимал это противопоставление царь и его единомышленники.¹² Характерно, что правкой «Географии генеральной» занимался иностранец — Софроний Лихуд. Если бы кого-то заботила ясность перевода, такое едва ли могло бы случиться. В свете данного хрестоматийного эпизода стоит обратить внимание, что в Посольском приказе, где к знанию иностранных языков подходили внимательно, не сомневаясь, привлекали к работе иностранцев, с трудом объяснявшихся по-русски (см. с. 76, 124, 157, 168). Это не случайность, а реликт той длившейся столетиями ситуации, когда на Руси принципиально не признавалась школа. Перевод книг на славянский язык понимался как религиозно значимый акт, а не техническая процедура, к которой готовятся с помощью механических упражнений. Приезд в Москву иностранцев, не знающих славянского языка, прослеживается (по меньшей мере) со времен Максима Грека.

¹⁰ Когда возникла потребность в людях, владеющих итальянским, такую школу организовали казенным порядком и привлекали туда учеников через Разрядный приказ. См. об этом: Рамазанова Д. Н. Итальянская школа братьев Лихудов в Москве. М., 2019.

¹¹ Шамин С. М., Янсзон О. «Контактные группы» Московского государства // Переводчики и переводы... Вып. 2. С. 223–229.

¹² Живов В. М. История языка русской письменности: В 2 т. М., 2017. Т. 2. С. 945–961.

Нельзя не пожалеть, что архивные находки, связанные с переводческой деятельностью Посольского приказа, по самой природе фондообразователя не всегда помогают связать между собой разбросанные по коллекциям рукописей реально существующие, но безымянные переводы, с одной стороны, и конкретных исполнителей, с другой стороны, сведения о работах которых в документах приказа обычно сообщаются чересчур неопределенно.

¹³ Ср.: Морозов Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в по-

следней четверти XVII — начале XVIII вв. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 107–124.

сказывалось о том, как во время сноса зданий и земляных работ в Бельвиле и в окрестностях Монмартра (в то время — пригородах Парижа) был обнаружен камень, на котором была высечена надпись:

	J.		C.	
		J.		
		L.		
		E.		
	C.		H.	
	E.		M.	
	I.		N.	
	D.		E.	
S.	A.	N.	E.	S.

Камень отослали в Париж, в Академию надписей, однако академики не смогли понять, что значат эти буквы. Загадка камня стала предметом всеобщих разговоров; известнейшие знатоки древностей не сумели ее разрешить. Она раскрылась лишь тогда, когда о ней услышал монмартрский церковный сторож (bedeau). Явившись в столицу, тот с первого взгляда узнал камень и объяснил, что на нем написано и почему. Камень находился на углу дома, стоявшего на развилке дорог, которые вели к гипсовому карьере. Одна дорога была пригодна для повозок; другая была короче, но

ge périodique, / par M. Linguet. 1779. Т. 7. Décembre. № 54. P. 322–323. Об этом издании см.: Meurisse M. Annales politiques, civiles et littéraires du dix-huitième siècle // Dictionnaire des journaux. 1600–1789: Édition électronique revue, corrigée et augmentée / Sous la direction de J. Sgard (<https://dictionnaire-journaux.gazettes18e.fr/journal/0114-Annales-politiques>; дата обращения: 31.10.2022).

DOI: 10.31860/0131-6095-2023-1-260-263

© Л. А. Трахтенберг

ИСТОЧНИК БАСНИ И. И. ХЕМНИЦЕРА «БУКВЫ»

«Буквы» — одна из басен И. И. Хемницера, не вошедших в прижизненные сборники 1779 и 1782 годов и опубликованных посмертно в 1799 году Г. Р. Державиным, Н. А. Львовым, В. В. Капнистом и А. Н. Олениным.¹ В существующих комментариях источник ее сюжета не отмечен.² Возможный источник удалось обнаружить в современной Хемницеру зарубежной периодике.

По сюжету басни, царь какой-то неназванной страны решил «ученых отучить / В словах пустых искать и тайну находить» (с. 137). Для этого он велел на обломках, окружавших развалины башен города, также безымянного, высечь по букве и предложил ученым расшифровать смысл надписи. Знатоки терялись в догадках. Наконец царь созвал их и открыл значение букв. Они складывались в простую фразу: «Здесь водоной олов» (с. 138).

Источником Хемницеру, возможно, послужил анекдот, опубликованный в декабре 1779 года в журнале «Annales politiques, civiles et littéraires du dix-huitième siècle», издававшемся Симоном-Николя-Анри Линге.³ В статье рас-

¹ Хемницер И. И. Басни и сказки: В 3 ч. СПб., 1799. Ч. 3. С. 34–35. См.: Лаппо-Данилевский К. Ю. Хемницер Иван Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. С. 342.

² Хемницер И. И. 1) Соч. и письма по подлинным его рукописям, с биографической статьей и прим. Я. К. Грота. СПб., 1873. С. 101, 257–258; 2) Полн. собр. стихотворений / Вступ. статья Н. Л. Степанова; сост. Л. Е. Бобровой; подг. текстов и прим. Л. Е. Бобровой и В. Э. Вацуро. М.; Л., 1963. С. 297, 324 (сер. «Библиотека поэта»; далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно, с указанием номера страницы).

³ À l'auteur des Annales // Annales politiques, civiles, et littéraires du dix-huitième siècle; ouvra-